

СТАРАЯ БРАЦЛАВЩИНА И ЕЯ ЛЮДИ.

II.

Ольбрыхтъ Кожановскій, судья земскій брацлавскій¹⁾
(1620 г.—1642 г.).

Со времени люблинской уніи 1569 г., а еще больше съ 1581 г. послѣдовало уравниеніе брацлавскаго воеводства съ коренными польскими воеводствами въ устройствѣ земскихъ учреждений и должностей. Съ этого времени появляются брацлавскіе воеводы и каштеляны, а за ними подкоморіи, хорунжіи, судьи, стольники, подсудки, писари и т. д. Въ началѣ всѣ эти должности какъ сенаторскія, такъ и чисто земскія занимались исключительно людьми мѣстными, русскими. Такъ, санъ брацлавскаго воеводы до 1609 года принадлежалъ послѣдовательно князьямъ Роману и Юрію Сангушкамъ, Янушу Збаражскому и Юсифу Тышкевичу. Каштелянами брацлавскими вплоть до 1618 г. были тоже люди рускіе: князь Юрій Капуста, Михаилъ Вишневецкій, Василій Загоровскій, Александръ Семашко, Григорій Сангушко и Николай Семашко. Затѣмъ эти должности переходятъ: воеводство къ Яну Потоцкому, а каштелянство къ Яну Харленскому—оба поляки; послѣ этого въ должности воеводы и каштеляна мы русскихъ не видимъ. То же самое замѣчается и въ чисто земскихъ должностяхъ.

¹⁾ Настоящій очеркъ составленъ, главнымъ образомъ, по имѣющимся у меня документамъ и декретамъ XVIII ст., относящимся къ процессу винницкаго войскаго Мартина Раковского съ наслѣдниками каштеляна каминскаго Станислава Коссаковского, тягавшимися за кобыленскія земли. Къ сожалѣнію, самые интересные документы, упоминаемые здѣсь мною, какъ то: Тарифа подымнаго брацлавскаго во-два 1629 г., Инструкція винницкимъ посламъ на сеймъ 1641 г. и три завѣщанія Кожановскаго—извѣстны мнѣ только изъ отрывочныхъ цитатъ.

Первымъ брацлавскимъ земскимъ судьей былъ Иванъ Кошка, владѣвшій значительными имѣніями въ брацлавскомъ повѣтѣ. Последній разъ встрѣчаемъ его имя въ этой должности 6 августа 1585 г. при отводѣ границъ кобыленскаго имѣнія. Въ началѣ XVII ст. въ этой должности мы видимъ богатаго и вліятельнаго землянина винницкаго повѣта Ивана Черленковскаго ¹⁾. Другія земскія должности: хорунжаго, стольника, мечника, подсудка, писаря и т. д., переходили между членами тоже мѣстныхъ православныхъ родовъ: Дешковскихъ, Шашковъ, Кропивницкихъ, Черленковскихъ, Микулинскихъ и др. Съ теченіемъ времени русскій элементъ постепенно вытѣсняется пришлымъ польскимъ, такъ что ко времени возстанія Богдана Хмельницкаго на земскихъ должностяхъ нѣтъ почти вовсе русскихъ людей.—Должность брацлавскаго земскаго судьи въ двадцатыхъ годахъ XVII ст. впервые переходитъ въ поляку, а именно къ Ольбрыхту Кохановскому.

Въ Брацлавщинѣ это былъ homo novus. Выходецъ изъ коренной Польши, извѣстнаго въ сендомирскомъ воеводствѣ рода, съ довольно сильными связями съ первыми вельможами въ государствѣ, но безъ всякихъ почти собственныхъ средствъ, одаренный щедро личными качествами, Ольбрыхтъ Кохановскій является на этой русской окраинѣ весьма интереснымъ типомъ. Это одинъ изъ лучшихъ представителей безчисленнаго множества карьеристовъ и искателей счастья въ далекой златной украинѣ, которые впоследствии пріобрѣли громкую славу непризнанныхъ цивилизаторовъ дикой страны, а еще больше колонизаторовъ и устроителей пустыхъ пространствъ. Старая басня о мирныхъ пріобрѣтеніяхъ польскаго плуга на восточныхъ пустыряхъ государства по отношенію къ Брацлавщинѣ сводится въ сущности къ тому, что эти колонизаторы пустырей попадали чаще всего не на пустыя пространства, а поселялись среди мѣстнаго осѣдлаго населенія, которое и прибирали къ своимъ болѣе опытнымъ рукамъ.

Въ первой половинѣ XVII ст. въ сѣверной Брацлавщинѣ, т. е. въ винницкомъ повѣтѣ, вовсе не было уже пустыхъ пространствъ и никому не принадлежащихъ необмежеванныхъ земель, а между тѣмъ въ это то время и замѣчается усиленный приливъ поляковъ въ эту мѣстность. Значительная убыль мѣстнаго населенія въ низшихъ, крестьянскихъ слояхъ, послѣдовавшая послѣ татарскихъ набѣговъ и козацкихъ движеній, быстро пополнялась изъ русскихъ провинцій, менѣе разоренныхъ, безъ всякаго участія польскаго крестьянства. Пришлый

¹⁾ Źródła dziejowe, V, 71.

польскій элементъ состоялъ почти исключительно изъ шляхетскаго сословія. Кромѣ нѣсколькихъ родовъ сановитыхъ магнатовъ, получившихъ въ Брацлавщинѣ значительныя пожалованія изъ королевскихъ имѣній и пріобрѣвшихъ много земель покупкою, главный контингентъ пришельцевъ состоялъ изъ мелкой служилой шляхты, получавшей иногда державы, а въ большинствѣ случаевъ сопровождавшей своихъ богатыхъ патроновъ въ качествѣ военныхъ или дворныхъ слугъ.

Ольбрыхтъ Кохановскій несомнѣнно выдѣлялся изъ этой массы; онъ обладалъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлать въ Брацлавщинѣ совершенно самостоятельно быструю карьеру. Блестящее для своего времени образованіе, недюжинныя умственные дарованія, предпріимчивость, замѣчательная энергія и тактъ, широкія родственныя связи въ руководящихъ сферахъ—всѣ эти качества вмѣстѣ съ удачною женитьбой помогли Кохановскому въ самое короткое время сдѣлаться богатымъ человѣкомъ и занять одно изъ видныхъ мѣстъ среди брацлавскаго земянства.

Когда и по какому случаю явился онъ въ Брацлавщину, съ точностію установить трудно. Ему было уже лѣтъ подлѣ пятьдесятъ, когда онъ, между 1615 и 1618 гг., женился на богатой вдовѣ Александрѣ Боглевской, урожденной Красносельской. Она, вмѣстѣ съ единственнымъ своимъ братомъ Богданомъ Красносельскимъ, получила богатое наслѣдство послѣ родителей въ хмельницкомъ и брацлавскомъ повѣтахъ, но по раздѣлу братъ вылатилъ ей удѣлъ деньгами. Только часть с. Криковецъ въ брацлавскомъ повѣтѣ осталась за нею. Уже послѣ выхода вторично замужъ за Кохановскаго, Александра пріобрѣла отъ Станислава Кронковскаго его право на половину кобыленскихъ имѣній, доставшихся по выдѣлу отъ Ѳедора Гневошовича Стрижевскаго его дочерямъ Анолоніи Кронковской и Татьянѣ Ишерадовской. Эта покупка случилась около 1618 г.

Покупка богатаго имѣнія подлѣ самой Винницей, родство съ вѣстнымъ въ Брацлавщинѣ родомъ Красносельскихъ, личныя качества и связи поставили Кохановскаго сразу на видномъ мѣстѣ. Къ тому же земляне отнеслись къ нему сочувственно еще по одной важной причинѣ. Въ то время винницкимъ старостой былъ Адамъ Калиновскій, богатый и сильный магнатъ, досадившій безпардонными наѣздами, грабежами и насиліями всѣмъ землянамъ, имѣвшимъ несчастье быть его сосѣдями какъ въ старостинскихъ, такъ и въ его частныхъ имѣніяхъ. Найти защиту противъ напастей старосты являлось

на дѣлѣ почти невозможнымъ, и всѣ его продѣлки въ концѣ концовъ оставались безнаказанными. Нѣкоторые владѣльцы вынуждены были продать ему свои права за пустую цѣну, лишь бы избавиться отъ постоянныхъ непріятностей и нашествій. Въ одномъ Кохановскомъ встрѣтилъ онъ непобѣдимаго противника. Купивъ права Кронковскихъ въ кобыленскомъ имѣніи, Кохановскій засталъ готовые процессы съ Калиновскимъ, и не уступая ему ни на шагъ, повелъ ожесточенную съ нимъ войну какъ въ судахъ, такъ и на межахъ своихъ имѣній. Ко всеобщему удивленію, Кохановскій съ перваго же начала сталъ выигрывать всѣ процессы, одинъ за другимъ, весьма быстро, и отстаивать даже силою свои интересы, чѣмъ возбудилъ къ себѣ сочувствіе и уваженіе.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ женитьбы, а именно въ 1624 г., мы встрѣчаемъ его сразу на должности брацлавскаго земскаго судьи. Намъ не удалось найти слѣдовъ и указаній на то, чтобы онъ до этого занималъ какой либо служебный постъ въ брацлавскомъ земствѣ. Должность земскаго судьи какъ по положенію ея въ лѣстницѣ польскихъ должностей, такъ и по дѣйствительному ея значенію и власти, принадлежала къ числу почетныхъ и завидныхъ въ воеводствѣ. Земскіе судьи, наравнѣ съ подкоморіями, маршалками, подсудками и писарями земства, назначались королемъ, по одному на каждое воеводство, пожизненно или до поступленія на высшую должность изъ четырехъ кандидатовъ, представленныхъ шляхтой по избранію на сеймикѣ воеводскомъ. Въ составъ земскаго суда входили: судья съ властью предсѣдательской, подсудокъ и писарь; этому суду подсудны были всѣ гражданскія дѣла шляхты даннаго воеводства. Въмѣсто жалованья, члены суда получали въ свою пользу судебныя пошлины отъ тяжущихся и за явку актовъ въ земскія книги, а равно за выдачу выписей. Со времени учрежденія трибуналовъ въ 1581 г., апелляціонной инстанціей для брацлавскаго земскаго суда былъ люблинскій трибуналъ. Въ рукахъ земскаго судьи сосредоточивались гражданскіе интересы шляхты всего воеводства и если онъ былъ мало мальски энергиченъ и дѣтеленъ, то весьма легко пріобрѣталъ серьезное вліяніе и значеніе. Неудивительно поэтому, что и Кохановскій очень скоро является представителемъ брацлавской шляхты на коронныхъ сеймахъ въ роли земскаго посла. На сеймахъ мы видимъ его послѣдовательно въ 1627, 1631, 1632 (элекція Владислава IV) и 1633 годахъ, гдѣ онъ видимо всегда былъ отмѣченъ, такъ какъ почти каждый разъ на него возлагались спеціальныя порученія отъ сейма

по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Въ 1627 г. онъ былъ назначенъ сборщикомъ земскихъ повинностей по своему воеводству; при этомъ оставленъ при немъ и сборъ чоповаго налога и кромѣ того его же избираютъ депутатомъ отъ сейма въ комиссію для установленія цѣнъ (*pretia rerum*). На сеймѣ коронномъ 1631 г. онъ избранъ сеймовымъ депутатомъ на два года въ радомскій трибуналъ, вѣдавшій дѣла о государственныхъ сборахъ и податяхъ, о ихъ расходованіи и общій контроль. Въ 1633 г. сеймъ избралъ комиссію для изысканія средствъ на поставку провіанта для войскъ, расположенныхъ въ Украинѣ, назначивъ сѣздъ этой комиссіи во Львовѣ на 13 генваря 1634 г. Въ составъ этой комиссіи попалъ и Кохановскій вмѣстѣ со своими подчиненными: подсудкомъ Михаиломъ Кроивницкимъ и земскимъ писаремъ Силвестромъ Черлинковскимъ ¹⁾.

Работалъ онъ на пользу общества и государства, какъ и другіе, не безкорыстно. Западная граница кобыленскихъ грунтовъ проходила почти подъ самымъ селомъ Калетинцами надъ рѣчкой Нетяги. Это были старые хутора подъ названіемъ Нетяги, тянувшіеся по теченію рѣчки того же имени, примыкавшіе къ огромному въ то время пруду и лѣсу, слывшими подъ названіемъ Калетыны хутора, Калетынъ ставъ. Западнѣе Нетягъ, у верховьевъ рѣчки Хомутной было старое село Телепинчынъ Рогъ. Поселенія эти считались королевскими и тянули къ винницкому замку. Въ концѣ XVI ст. винницкій староста Юрій Струсь передалъ эти поселенія въ раззоренномъ видѣ за военные заслуги въ носессію шляхтичу Мартину Хруслинскому; пожалованіе это утверждено королевской грамотой отъ 23 августа 1599 г. Люстрація 1615 г. показываетъ за Хруслинскимъ село слободу «Калужинцы» (описка: должно быть Калитинцы). Въ двадцатыхъ годахъ XVII ст. посессія эта оказалась почему то вакантной и Кохановскій на первомъ же сеймѣ, въ которомъ участвовалъ, успѣлъ ее выхлопотать у короля для себя. Въ это время народонаселеніе увеличивалось и на Калитинскихъ, къ сѣверу отъ села на рѣчкѣ Хомутной, основался новый поселокъ. Люстрація 1629 г. называетъ эти поселенія: село Калютинцы *alias* Хруслинцы и село Слобода Новая *alias* Амбрововице; это нынѣшніи Вольшія и Малыя Крушлинцы. Село Телепинчынъ Рогъ удержало до сихъ поръ старое названіе въ измѣненномъ видѣ—Телепеньки ²⁾. Несмотря на сложную и разнородную дѣятельность Кохановскаго въ

¹⁾ Vol. Leg. III, f. f. 539, 546, 575, 673, 772, 788 и 789.

²⁾ *Zródła Dziejowe* V, стр. 72 и 187; *Арх. ю.-з. Рос.* VII, I, стр. 259.

качествѣ земскаго судьи и посла на сеймы, онъ проявилъ замѣчательную энергію въ устройствѣ и приведеніи въ порядокъ своихъ имѣній. Кобыленскія имѣнія занимали почти все пространство земель по системѣ рѣчки Кобыльной, лѣваго притока Буговой Десны или, какъ ее въ старину называли, Десныци. Рѣчка Кобыльная течетъ съ юга на сѣверъ; она составляется изъ двухъ ручьевъ: Малой Кобыльной, вытекающей изъ источниковъ выше д. Счастливой, брацлавскаго уѣзда, и Большой Кобыльной, начинающейся немного сѣвернѣе с. Ободнаго. Съ правой стороны она не имѣетъ почти совсѣмъ притоковъ, а съ лѣвой принимаетъ рѣчку Нетяги, берущую начало выше селъ Гуменной и Михалевки, и рѣчку Хомутную, начинающуюся у с. Телепенекъ, винницкаго уѣзда. Вся мѣстность эта понижается съ юга на сѣверъ, при чемъ, начиная отъ рѣчки Хомутной по направленію къ Деснѣ, представляетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ болотистыя низменности. Почва здѣсь первокласснаго достоинства: богатый черноземъ на глинистой подночвѣ. Еще въ XVI ст. все это пространство было покрыто богатымъ чернымъ лѣсомъ, остатки котораго сохранились до сихъ поръ въ сѣверной части. Лѣса по системѣ рѣчки Кобыльной составляли восточную окраину огромной лѣсной полосы, простиравшейся по направленію къ западу по всему верхнему Побужью, вплоть до проскуровскаго уѣзда. Эта лѣсная полоса, захватывавшая сѣверную половину винницкаго уѣзда, носитъ до сихъ поръ въ народѣ названіе: «лисы», въ отличіе отъ безлѣсныхъ пространствъ, илущихъ къ ю.-в. отъ р. Кобыльной, называемыхъ «степи».

Въ XVI ст. кобыленскіе лѣса были уѣяны лѣсными насѣками и хуторами. Изъ болѣе обширныхъ поселеній было большое село Кобылое (Кобыля, Кобыльня), с. Половецъке и Козины хутора. Кобыльня расположено было не на томъ мѣстѣ, гдѣ имѣется теперь село того же названія, а нѣсколько верстъ ниже, при впаденіи р. Кобыльной въ Десну. Село Половецъке лежало на лѣвомъ берегу р. Кобыльной на мѣстѣ теперешняго села Коссаковки, у большой старой дороги, ведущей изъ Винницы въ Липовець. Акты второй половины XVI ст. называютъ эту дорогу «*стирый гостынець*, идущій отъ Винницу въ далекую Украину». Козины хутора ютились при впаденіи рѣчки Нетягъ въ Кобыльную, гдѣ теперь с. Козницы. Существующіи нынѣ въ этой же мѣстности села Приборовка, Кобыльная (новая), Кошаповка, Пенъковка, а далѣе Лозоватая, Оленовка, Большія и Малыя Крушлинцы въ то время еще не существовали. Большинство ихъ однако возникло на мѣстѣ старыхъ урочищъ, насѣчискъ и хуторовъ.

Такъ, Большія и Малыя Крушлинцы, какъ мы это видѣли выше, возникли на урочищѣ с. Нетягъ и Калитинныхъ хуторовъ, Приборовка — на мѣстѣ хуторовъ с. Половецкаго; гдѣ теперь село Лозоватая, тамъ въ первой половинѣ XVII ст. упоминается хуторъ *Лозы*, а с. Оленовка въ это время носить названіе «старое пасѣчиско Свынарка».

Только въ старой Кобыльной и Половецкомъ видимо предпринимались кое какія мѣры для обороны: имѣлись вала и частоколъ. Всѣ же другія мелкія поселенія оставались безъ всякой защиты. Частые и разорительные набѣги татаръ въ XVI ст. опустошили этотъ край въ конецъ; на мѣстѣ прежнихъ селъ и хуторовъ остались однѣ пепелища и урочища. Въ концѣ этого столѣтія, когда народъ сталъ снова селиться, а старосты и земiane начали приводить въ порядокъ разоренныя имѣнія, владѣлецъ кобыленскихъ грунтовъ, панъ Гневошъ Дмитріевичъ Стрижевскій на мѣстѣ Половецкаго, Козинныхъ хуторовъ и Кобыльной засталъ однѣ пустыя урочища. Собравъ возвращавшихся крестьянъ, онъ основалъ новое село въ центрѣ своихъ кобыленскихъ грунтовъ на правомъ берегу р. Кобыльной, по обѣ стороны винницкаго «гостынца», противъ урочища Половецкаго. Село это названо тоже Кобыльной (Кобыли), въ немъ устроено маленькое укрѣпленіе изъ вала и частокола. На мѣстѣ села старой Кобыльной при впаденіи р. Кобыльной въ Десну новаго поселенія не возникло; о ней осталось одно воспоминаніе и два заросшіе лѣсомъ параллельные вала, идущіе отъ одной рѣчки къ другой. Съ теченіемъ времени народъ сталъ селиться и на лѣвомъ берегу Кобыльной, противъ новаго села возлѣ урочища и валовъ Половецкаго, гдѣ скоро возникъ цѣлый рядъ хуторовъ, потянувшійся внизъ по теченію рѣчки. Въ первые годы XVIII ст. новый владѣлецъ панъ Феодоръ Гневошовичъ Стрижевскій на мѣстѣ старыхъ Козинныхъ хуторовъ основалъ село Козинцы и объявилъ слободу. Народъ сталъ быстро заселять старыя пепелища. Это не было исключительнымъ явленіемъ для кобыленскаго имѣнія. Въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. вообще замѣчается усиленный приливъ населенія въ винницкомъ повѣтѣ, такъ что за это время не только восстанавливаются всѣ почти старыя поселенія, но и возникаетъ много новыхъ.

Этотъ приливъ населенія требовалъ удобныхъ мѣстъ для поселковъ и выгодныхъ угодій, что и породило ревнивую заботливость объ охраненіи границъ имѣній отъ захватовъ сосѣдей. Возстановленіе старыхъ межевыхъ знаковъ не всегда представлялось легкимъ, а потому весь періодъ съ 1570 г. и по 1647 г. особенно изобилуетъ про-

цессами о межевыхъ спорахъ. Дѣятельность Гневоша отца и Ѳедора сына Стрижевскихъ по заселенію и устройству кобыленскихъ грунтовъ привела къ тому, что на всемъ протяженіи обширныхъ границъ возникли съ сосѣдями споры, драки, наѣзды и процессы. Вмѣстѣ съ покупкою женою Кохановскаго правъ супруговъ Кронковскихъ въ кобыленскихъ имѣніяхъ, на голову ея мужа свалились всѣ эти процессы и пограничная борьба.

Однимъ изъ первыхъ столкновеній былъ споръ съ братьями Кропивницкими, владѣльцами коморовскаго имѣнія. Какъ сказано было выше, въ началѣ XVII ст. на мѣстѣ Козинныхъ хуторовъ съ лѣвой стороны р. Нетьаги стали вновь селиться люди съ разрѣшенія кобыленскаго двора. Вскорѣ явился поселокъ и по другую сторону рѣчки въ углу между Нетьагами и Кобыльною. Затѣмъ Ѳедоръ Гневошовичъ Стрижевскій отвелъ мѣсто для новыхъ усадьбъ и, объявивъ слободу, отдалъ село въ аренду урожному Войцеху Пшыборовскому, которому и предоставилъ вести дальнѣйшее устройство села и эксплуатацію сосѣднихъ угодій. Къ югу отъ этой мѣстности начинались грунты богатыхъ владѣльцевъ Коморова пановъ Кропивницкихъ. Ихъ было три брата: Александръ — писарь земскій брацлавскій, Михаилъ — мечникъ и младшій Иванъ. Считаая границей коморовскихъ грунтовъ рѣчки Нетьаги и Кобыльную, они предъявили въ 1612 г. къ Ѳедору Стрижевскому искъ въ брацлавскомъ земскомъ судѣ, при чемъ жаловались на пана Стрижевскаго, «иже онъ перешедшы знаки и границу давные и сторожытныє, грунтъ поводовъ (истцовъ) Коморовски зъ грунтомъ пана Стрижевскаго Кобыленскимъ дилачые, то есть речки албо руды одну Нетьаги а другую Кобылою грунтъ поводовъ власны дедычны до Коморова належачый осегновшы слободку Козыньци на немъ ново осадилъ»; при этомъ они заявили, что желаютъ «тые знаки и границы поновеные и почыненые мѣть», и просили принудить пана Стрижевскаго «до поновеня границъ старыхъ и знаковъ давныхъ, которыхъ здавна антецессорове ихъ въ уживаню были, а черезъ позваного и отца его въ малости литъ ихъ вытыснени суть, где суть поцсовани до поновеня, а где ихъ не машъ до учыненя новыхъ». Въ 1614 г. въ святомихайловскіе рочки послѣдовалъ декретъ брацлавскаго земскаго суда, конмъ постановлено удовлетворить требованію обновленія границъ. Стрижевскій однако подалъ апелляціонную жалобу въ люблинскій трибуналъ. Въ это время кобыленскія имѣнія были выдѣлены дочерямъ Стрижевскаго Аполлоніи Кронковской и Татьянѣ Пшерадовской, изъ которыхъ первая подарила свои права мужу Стани-

славу Кронковскому. Трибуналь, разрѣшая искъ 16 августа 1616 г. между Кропивницкими и новыми владѣльцами Кобыльной, утвердивъ рѣшеніе земскаго суда, передалъ дѣло для отвода старыхъ границъ суду брацлавскаго подкоморія. Въ этомъ положеніи засталъ дѣло Ольбрыхтъ Кохановскій послѣ покупки женою иравъ Кронковского.

Одновременно съ этимъ, Василій Ободенскій, владѣлецъ с. Ободнаго, тоже съ юга граничившаго съ кобыленскими имѣніями, захватилъ грунты, лежавшіе по теченію обѣихъ рѣчекъ Большой и Малой Кобыльны. Въ 1615 году дѣло дошло до того, что панъ Ободенскій съ помощью вооруженной команды прогналъ изъ кобыленскихъ угодій въ этой мѣстности слугъ Пшерадовской и Кронковской и захватилъ сѣно и хлѣбъ. Кронковскій отъ своего имени и по довѣренности пани Татьяны Пшерадовской завелъ съ нимъ процессъ за самоуправства, захватъ земель и убытки; процессъ затянулся на долгое время вслѣдствіе порученія трибунала произвести дознаніе на мѣстѣ о границахъ и о количествѣ убытковъ.

Кромѣ этихъ двухъ процессовъ, немедленно послѣ покупки Александрой Кохановской иравъ въ Кобыльной возникъ споръ съ новымъ винницкимъ старостой Адамомъ Калиновскимъ, забравшимъ въ одно лѣто съ прилегающихъ къ винницкому староству кобыленскихъ луговъ и лѣсовъ 5,000 возовъ сѣна. Совладѣлица Кохановской Татьяна Пшерадовская сама дѣлъ своихъ не вела; мужъ ея, человѣкъ тихій и скромный, занятъ былъ хозяйствомъ въ Сиваковцахъ и Кобыльной, а потому всѣ эти дѣла пришлось вести Кохановскому, что составляло не мало хлопотъ. Тяжбы съ Кропивницкими и Ободенскимъ велись то въ Люблинѣ, то на мѣстѣ, а съ Калиновскимъ кромѣ того еще въ Кіевѣ и Варшавѣ.

Легче всего пришлось Кохановскому съ Кропивницкими и Ободенскимъ. Судъ подкоморскій отвелъ границы въ 1624 году отъ с. Ободнаго и оставилъ по дѣлу съ Кропивницкими границы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находились въ то время, до разрѣшенія спора съ Калиновскимъ, захватившимъ самое с. Козинцы. По отношенію къ Ободному отводъ границъ утвержденъ трибунальскимъ декретомъ 1-го мая 1626 г., и съ этого времени наступилъ миръ съ Ободенскимъ.

Наѣздъ Калиновскаго былъ только началомъ цѣлаго ряда процессовъ. Въ 1623 г. 26 марта состоялся первый декретъ въ пользу Кохановской и Пшерадовской по дѣлу о грабежѣ Калиновскимъ 5,000 фуръ сѣна. На слѣдующій годъ Самуиль Ѳедоровичъ Стрижевскій, родной братъ Татьяны Пшерадовской, вошелъ въ сдѣлку съ Калинов-

скимъ о продажѣ ему Стрижовки со всѣми селами и землями, тянувшими къ этому мѣстечку, но предварительно при помощи людей пана старосты занялъ силою всѣ грунты, лежавшіе по лѣвую сторону р. Кобыльной, а съ ними с. Козинцы и урочище Половецкое. Предлогомъ въ тому послужило то обстоятельство, что въ отдѣльной записи только что отошедшаго въ могилу отца Ѳедора Стрижевскаго, данной въ пользу дочерей Аполлоніи Кронковской и Татьяны Пшерадовской, упомянуто только одно «село Кобыленское со всѣми грунтами», о Козинцахъ же и Половецкомъ, лежавшихъ въ чертѣ этихъ грунтовъ, спеціально не упоминалось. — Вслѣдъ за этимъ захватомъ состоялся въ Люблинѣ продажный актъ о переуступкѣ Адаму Калиновскому Стрижовскаго имѣнія, при чемъ въ составѣ его уже указано захваченное с. Козинцы и урочище Половецкое. Присутствовавшій въ то время въ Люблинѣ Кохановскій внесъ 11 сентября 1624 г. въ трибунальскія книги манифестъ противъ старосты Калиновскаго и Самуила Стрижевскаго о незаконности этой продажи и немедленно подалъ нозовъ объ уничтоженіи сдѣлки. Стороны однако, не ожидая исхода процесса, успѣли закончить сдѣлку и 20 декабря того же года Самуилъ Стрижевскій созналъ въ пользу Калиновскаго донацію. Принявъ во владѣніе стрижовское имѣніе, а съ нимъ и захваченные Козинцы и Половецкое, Калиновскій лично не могъ слѣдить за сохраненіемъ за собой спорныхъ грунтовъ, такъ какъ весной онъ уже участвовалъ въ кампаніи противъ козаковъ на Подніпровіи. Въ виду этого, онъ вошелъ въ сдѣлку съ Войцекомъ Пшиборовскимъ, арендаторомъ только что заселенныхъ Козинцевъ, и отдалъ ему въ аренду всѣ захваченные грунты кобыленскаго имѣнія по лѣвую сторону рѣчки Кобыльной вмѣстѣ съ Половецкими хуторами, предоставивъ ему оберегать эти имѣнія силою мѣстной старостинской команды. Уходя весной съ войскомъ противъ козаковъ, Калиновскій, какъ бы на прощаніе съ Кохановскимъ и для его устрашенія, послалъ вооруженную команду за рѣчку въ новую Кобыльную и заграбилъ хлѣбъ Пшерадовскихъ и Кохановской, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, будто бы онъ былъ спятъ съ его половецкихъ грунтовъ. — Но Калиновскій ошибся. Сдержанный, но энергическій Кохановскій не рѣшился отвѣтить наѣздомъ, быть можетъ понимая неравенство силъ, а ограничился предъявленіемъ новаго иска и принятіемъ болѣе серьезныхъ мѣръ для обороны. Немного выше с. Кобыльной и Половецкаго на большомъ прудѣ находился островъ пространствомъ въ нѣсколько десятинъ, покрытый камышемъ, прилежавшій ближе къ

лѣвому берегу рѣчки. Съ громадными усиліями онъ въ два лѣта (1625 и 1626 г.), пока Калиновскій былъ въ отлучкахъ, выстроилъ на этомъ островѣ солидный замокъ по всѣмъ правиламъ современнаго ему фортификаціоннаго искусства. Замокъ имѣлъ видъ большаго четырехугольника, окруженнаго громаднымъ валомъ съ полисадомъ, съ четырьмя по угламъ башнями. Снаружи была глубокая, наполненная водой канава. Въѣздъ въ замокъ былъ только со стороны лѣваго берега рѣчки; шелъ онъ сначала по насыпи, а затѣмъ передъ воротами замка по подъемному мосту. Одновременно онъ выхлопоталъ у короля на свое имя привилегію на учрежденіе подъ сѣнью этого форта мѣстечка подъ названіемъ Коханградъ. Этотъ укрѣпленный городокъ защищалъ единственную переправу черезъ топкую Кобыль-ную по большой плотинѣ винницкаго тракта, а тѣмъ самымъ служилъ защитой праваго побережья, оставшагося до сихъ поръ въ рукахъ Пшерадовскихъ и Кохановскихъ. Подъ охраною замка, на лѣвомъ берегу пруда весьма быстро возникло цѣлое поселеніе, предмѣстья котораго потянулись до самаго винницкаго тракта и плотины, противъ старыхъ холовецкихъ окоповъ. Въ то же время Кохановскій занялъ и грунты, прилегавшіе къ мѣстечку по обѣ стороны р. Хомутной, не трогая впрочемъ грунтовъ, занятыхъ людьми холовецкими и козинецкими, до разрѣшенія процесса съ Калиновскимъ.

Между тѣмъ Пшиборовскій, которому была поручена Калиновскимъ охрана и заселеніе этихъ грунтовъ, считалъ своею прямою обязанностію не допускать Кохановскаго къ занятію земель, лежавшихъ между Козинцами и Половецкимъ. Вслѣдствіе этого возникли новые наѣзды и драки, и Кохановскій предъявилъ къ Войцеху Пшиборовскому самостоятельный искъ «о нечынене службы дедичамъ кобыленскимъ и почыненые гвалты и шкоды подданымъ на грунты кобыленскомъ». Но дальнѣйшіе наѣзды на кобыленскіе грунты были безуспѣшны. Замковая команда раза два ихъ отбила и не уступила и пяди больше земли.

Заселеніе Коханграда поведено было до того энергично, что тарифа подымнаго воеводства брацлавскаго отъ 16 ноября 1629 года застаетъ это мѣстечко уже заселеннымъ и вполне устроеннымъ.

Кохановскій стремился къ раздѣлу кобыленскихъ имѣній; общее владѣніе съ Татьяной Пшерадовской не представляло для него никакого интереса и поэтому совладѣльцы рѣшились «одеончытыся». Кохановскій взялъ себѣ южную половину грунтовъ по винницкій трактъ, а Пшерадовской досталась сѣверная часть. Раздѣлъ этотъ

вначалѣ заключенъ былъ домашнимъ порядкомъ, такъ какъ его нельзя было оформить въ виду процесса съ Калиновскимъ, захватившимъ столько грунтовъ. По этому раздѣлу во владѣніи Кохановской оказался основанный мужемъ Коханградъ и та часть села Кобыльной, которая осѣла къ югу отъ винницкаго тракта, проходившаго черезъ это село.

Первый процессъ съ Калиновскимъ о грабежѣ имъ 5,000 воевъ сѣна шелъ очень успѣшно. Декреты по всѣмъ инстанціямъ одинъ за другимъ получались очень быстро, и наконецъ осенью 1627 года полученъ былъ листъ на ввѣдъ Кохановской и Пшерадовской во владѣніе стрижовскимъ имѣніемъ до уплаты имъ Адамомъ Калиновскимъ убытковъ. Кохановскій занесъ этотъ актъ въ брацлавскія земскія книги 20 генваря 1628 года, но въ отвѣтъ на это, лѣтомъ того же года Калиновскій совершаетъ новый наѣздъ и грабежъ сѣна, о чемъ занесъ Кохановскій манифестъ въ трибунальскія книги 21 августа 1628 г. Только въ 1630 г. трибуналь окончательно рѣшилъ всѣ эти дѣла въ пользу Кохановскаго, а именно: декретомъ 28 мая присуждено съ Калиновскаго взысканіе за наѣздъ на Кобыльную, «гвалты и шкоды» 30,000 зол. польск. убытковъ; вторымъ декретомъ отъ 29 мая урожонный Войцехъ Пшиборовскій отсужденъ отъ всякихъ правъ на Козинцы и приговоренъ къ взысканію за самоуправства, а третьимъ, наконецъ, отъ 10 іюня того же года люблинскій трибуналь отсудилъ отъ Калиновскаго на вѣчныя времена въ пользу Кохановской и Пшерадовской село Козинцы и урочище Половецкое со всѣми людьми и тянувшими къ нимъ грунтами и кромѣ того присудилъ съ отвѣтчика въ пользу истицы 5,000 копѣ грошей лит. за провладѣніе и убытки. — Полная неудача Калиновскаго въ исходѣ этихъ главныхъ его съ Кохановскимъ процессовъ, крупныя суммы взысканій и общее сочувствіе къ Кохановскому, не позволившему себѣ малѣйшаго реванша въ дѣлѣ самоуправствъ и наѣздовъ, заставили гордаго, но скупнаго магната пойти на мировую, вслѣдствіе которой Ольбрыхтъ Кохановскій и Матвѣй Пшерадовскій своимъ и своихъ женъ именемъ сознали въ сентябрѣ (въ среду послѣ праздника Рождества Богородицы) 1631 г. передъ летичевскими гродскими книгами квити, данный Адаму Калиновскому въ полученіи полного удовлетворенія по всѣмъ дѣламъ, какія только велись отъ имени владѣльцевъ Кобыльной и ихъ подданныхъ.

Выйдя побѣдителемъ изъ этой борьбы съ Калиновскимъ, Кохановскій немедленно привелъ въ исполненіе задуманный раньше

раздѣлъ съ Пшерадовскими. Былъ избранъ третейскій судъ, который, проведя границу, велѣлъ сдѣлать «геометрическое размѣреніе». Граница по прежнему проведена по винницкому тракту, такъ что изъ имѣній, отобранныхъ отъ Калиновскаго, Кохановской достались Козинцы, а Пшерадовской Половецкое. При этомъ оказалось, что ниже Половецкаго возникло совершенно новое село на мѣстѣ половецкихъ хуторовъ, основанное Войцехомъ Пшиборовскимъ во время его управленія захваченными землями. Село это, названное по имени основателя Приборовкой, существуетъ понынѣ.

Кохановскіе были бездѣтны и не желали, чтобы имѣнія послѣ ихъ смерти перешли въ родъ Красносельскихъ, а именно къ брату Александры Кохановской Богдану Красносельскому. Поэтому послѣ утвержденія раздѣла, Александра Кохановская совершила въ пользу мужа дарственную запись, по которой передала ему въ собственность всѣ эти имѣнія, какъ то: Коханградъ, Козинцы и часть Кобыльной.

Съ окончаніемъ процессовъ съ Калиновскимъ, немедленно возникъ новый процессъ съ сослуживцемъ Кохановскаго, земскимъ подсудкомъ Михаиломъ Кропивницкимъ изъ за тѣхъ же злополучныхъ Козинецъ. Процессъ этотъ, собственно говоря, не былъ новый; онъ былъ приостановленъ въ подкоморскомъ судѣ еще въ 1624 г. вслѣдствіе того, что нельзя было произвести изысканія границъ между козинецкими и коморовскими грунтами, такъ какъ само село Козинцы было захвачено Калиновскимъ и заведенъ былъ споръ о его принадлежности Кохановскому. Во время владѣнія Калиновскаго, спорныя угодія между рѣчками Нетягами и Кобыльной оставались въ пользованіи Кропивницкихъ. Когда же 10 іюня 1630 года Калиновскій проигралъ дѣло, то Кропивницкій, не желая допустить отвода спорной когда то земли изъ своего владѣнія Кохановскому, подалъ того же числа манифестъ въ книги люблинскаго трибунала, заявляя, что границы отъ Коморова должны быть сохранены въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ оставлены подкоморскимъ судомъ въ 1624 г. Этимъ актомъ начался процессъ, длившійся цѣлыхъ девять лѣтъ. Изъ суда споръ вскорѣ перешелъ на межи. Кохановскій понималъ граничный декретъ 1624 года въ томъ смыслѣ, что ему не возвращаются угодія, захваченныя Кропивницкими, до разрѣшенія спора съ Калиновскимъ, и потому теперь, выигравъ дѣло съ Калиновскимъ и вступивъ во владѣніе Козинцами со всѣми принадлежавшими этому селу угодіями, считалъ себя вправѣ воспользоваться и тѣми козинецкими угодіями, которыя временно оставались въ пользованіи Кропивницкихъ. Не

долго думая, Кохановскій, согнавъ людей изъ Крушлинецъ (Хруслинецъ), Кобыльной и Коханграда, послалъ ихъ подъ прикрытіемъ своей замковой команды и заразъ убралъ все скошенное коморовской экономіей на спорномъ грунтѣ сѣно. Къ этому времени большая коморовская вотчина перешла въ исключительное владѣніе Михаила Кропивницкаго, подсудка земскаго брацлавскаго, сослуживца и даже до нѣкоторой степени подчиненнаго Кохановскаго. — Личность Михаила Кропивницкаго вообще довольно симпатична и интересна. Потомокъ стараго брацлавскаго рода, «ritus graeci», хорошо принятый при дворѣ, впоследствии личный секретарь короля Владислава IV, онъ не могъ чувствовать особой склонности къ Кохановскому, относившемуся свысока къ русскому простоватому землянству. Надо замѣтить при этомъ, что въ жизни Кропивницкаго есть нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, что онъ былъ далеко выше своей среды и считалъ долгомъ проявлять свой русскій патріотизмъ. Во всякомъ случаѣ, онъ пользовался большимъ почетомъ и значеніемъ не только въ Брацлавщинѣ, но и въ болѣе широкихъ кругахъ. Ссориться окончательно съ паномъ Кропивницкимъ Кохановскому не было интереса и потому, послѣ предъявленія къ нему иска за заборъ сѣна и наѣздъ, онъ поспѣшилъ оправдаться невѣдѣніемъ, свелъ все на недоразумѣніе и согласился на отсрочку разбирательства дѣла для мирнаго улаженія спора. Вскорѣ однако наступили событія, отвлекшія на время вниманіе обонхъ противниковъ отъ этого спора. Съ выборомъ новаго короля въ 1632 г., оба они были поглощены закипѣвшей новой государственной дѣятельностью. Особенно занятъ былъ Кропивницкій, почти не выѣзжавшій изъ Варшавы и Львова. Объ окончаніи спора не было сначала и рѣчи. Между тѣмъ обѣ экономіи коханградская и коморовская, взапуски одна передъ другой, стали занимать спорныя угодія; наконецъ, въ 1636 г., дѣло дошло до свалки, и Кохановскій предъявилъ искъ къ Кропивницкому за наѣздъ. Въ трибуналѣ стали судью мирить съ подсудкомъ. Три раза (24 августа 1637 и 4 мая и 10 августа 1638 г.) трибуналъ откладывалъ разборъ дѣла въ надеждѣ на миролюбное окончаніе. Только 5 іюля 1639 г. окончилось это дѣло третьей судомъ, который на мѣстѣ отвелъ границу и насыпалъ копцы.

Кромѣ этихъ граничныхъ тяжбъ, извѣстенъ еще въ томъ же родѣ одинъ процессъ, тянувшійся около двадцати лѣтъ между владѣльцами кобыленскихъ имѣній и вотчинникомъ *Липовца alias Гай-*

сина ¹⁾ княземъ Доминикомъ Заславскимъ, старостой саноцеимъ. Процессъ возникъ по жалобѣ Кохановской и Пшерадовской около 1626 года за захватъ кобыленскихъ земель, и послѣ долгой тяжбы послѣдовалъ окончательный декретъ трибунала, постановившаго поручить подкоморію произвести разслѣдованіе старыхъ границъ и отвести таковыя. Декретъ подкоморскаго брацлавскаго уряда по сему дѣлу послѣдовалъ на мѣстѣ спора 16 ноября 1628 года. Но князь Заславскій 25 ноября того же года занесъ въ винницкія гродскія книги манифестъ, жалуясь на неправильныя дѣйствія подкоморскаго суда при разграниченіи, и тѣмъ затянулъ утвержденіе трибуналомъ отвода, которое однако послѣдовало, но уже послѣ смерти Кохановскаго, а именно 4 іюля 1645 г.

Къ той серіи процессовъ слѣдуетъ еще отнести тяжбы о бѣглыхъ крестьянахъ. Такія тяжбы въ первой половинѣ XVII вѣка по винницкому повѣту упоминаются довольно часто. Намъ извѣстны три такихъ процесса у Кохановскаго. Онъ искалъ своихъ крестьянъ, бѣжавшихъ изъ кобыленскихъ имѣній въ м. Городокъ Геронима Шанявскаго и въ стрижовское имѣніе Калиновскаго. Въ свою очередь владѣлецъ мѣстечка Бабина князь Корецкій позвалъ въ судъ Кохановскаго, требуя выдачи крестьянъ, бѣжавшихъ изъ Бабина въ имѣніе Кобыльню и слободу Коханградскую. Всѣ эти иски разрѣшены люблинскимъ трибуналомъ 28 и 29 мая 1630 г.

Кромѣ имѣній, указанныхъ выше, Кохановскій приобрѣлъ еще Сиваковцы отъ Матвѣя Пшерадовскаго, но деньги за имѣніе внесъ въ винницкій гродскій судъ уже послѣ смерти Пшерадовскаго, 4-го апрѣля 1634 г. Владѣлъ онъ имъ, кажется, спокойно, если не считать недоразумѣній съ квартировавшей здѣсь въ 1635 г. хоругвью, пограбившею село, такъ что Кохановскій вынужденъ былъ предъявлять къ ротмистру Зацвплиховскому и его хоругви искъ за причиненные убытки подданнымъ «п всей громади села Сивоковецъ». Искъ этотъ выигранъ Кохановскимъ въ 1636 году. Въ числѣ его имѣній въ тридцатыхъ годахъ XVII ст. упоминается еще и с. Холявинцы.

Не менѣе энергиченъ былъ Кохановскій во внутреннемъ устройствѣ своихъ имѣній. Онъ, какъ видно изъ актовъ, сплошными массами вырубалъ лѣса на постройки въ Коханградѣ и Козинцахъ, уве-

¹⁾ Липовець одновременно называется и Гайсиномъ въ трехъ разныхъ актахъ первой половины XVII ст., между тѣмъ какъ въ это же время существовалъ другой Гайсинъ, принадлежавшій Свирскимъ и Одривольскимъ.

личивъ этимъ значительно пахатныя пространства. Кромѣ постройки солиднаго коханградскаго замка, онъ произвелъ и другія капитальныя сооруженія, какъ то: шесть новыхъ мельницъ и громадную коханградскую плотину черезъ рѣчку Кобыльную на винницкомъ трактѣ. Этой послѣдней заинтересовалось даже все землянство, къ которому обратился Кохановскій, вслѣдствіе чего винницкій посольскій сеймикъ брацлавскаго воеводства 21 августа 1641 года въ инструкцію, данную посламъ, номѣстилъ требованіе, чтобы послы ходатайствовали на сеймѣ коронномъ «о назначеніи ревизоровъ для изслѣдованія плотины въ Коханградѣ, построенной съ огромными издержками вельможнымъ Ольбрыхтомъ Кохановскимъ для публичнаго переезда, съ цѣлью устновленія мыта, такъ какъ плотина находится на публичномъ трактѣ».

У Кохановскаго имѣлась и надворная милиція и козаки. Начальство надъ замкомъ и военной командой вначалѣ было ввѣрено любимцу Кохановскаго Николаю Казимиру Коссаковскому, женившемуся впослѣдствіи на вдовѣ Татьянѣ Пшератовской, владѣлицѣ второй половины кобыленскихъ имѣній.

Въ Коханградѣ построена была Кохановскимъ церковь, католическая каплица и госпиталь.

Отъ раздѣла отцовскихъ имѣній женѣ Кохановскаго, кромѣ денежнаго выдѣла, досталась часть имѣнія Криковецъ въ брацлавскомъ повѣтѣ; другая же часть была во владѣніи ея брата Богдана Красносельскаго, съ которымъ Кохановскій не ладилъ. Подъ конецъ жизни Кохановскаго, когда Красносельскій увидѣлъ, что сестра перевела свои имѣнія на имя мужа, онъ вступилъ въ открытый споръ съ Кохановскими изъ за угодій. Зимой съ 1641 по 1642 г. Кохановскій выслалъ изъ своихъ имѣній Коханграда, Козинецъ, Сиваковецъ и Холывинецъ нѣсколько сотъ подводъ подъ прикрытіемъ военной команды въ криковецкіе лѣса за деревомъ; при этомъ рубка произведена была именно въ спорныхъ участкахъ, несмотря на протестъ со стороны экономіи Красносельскаго. 19 февраля 1642 г. Красносельскій занесъ по этому поводу манифестъ въ винницкія градскія книги и началъ процессъ, исходъ котораго намъ неизвѣстенъ.

Кохановскій умеръ бездѣтнымъ въ глубокой старости, свыше семидесяти лѣтъ, 9 мая 1642 года. Послѣ него осталось три духовныхъ завѣщанія: одно составлено 27 іюли 1640 г., второе 22 генваря 1642 г. и третье въ день смерти 9 мая 1642 г. Всѣ свои имѣнія, доставшіяся отъ жены, и с. Сиваковцы онъ завѣщалъ ей же въ по-

жизненное владѣніе съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ с. Сиваковецъ выдавалась потребная сумма на содержаніе коханградскаго госпиталя. Затѣмъ всѣ свои имѣнія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ легатовъ, завѣщалъ въ собственность своей сестрѣ Констанціи и ея мужу Стефану Хоментовскому, белзскому подчашію.

Черезъ три недѣли послѣ смерти Ольбрыхта Кохановскаго, 31 мая 1642 г. состоялся вводъ въ пожизненное владѣніе имѣніями вдовы его Александры. Но она немногимъ пережила мужа. Три года спустя послѣ его смерти, въ процессѣ съ княземъ Заславскимъ, владѣльцемъ Липовца alias Гайсина, уже выступаютъ въ качествѣ истцовъ супруги Хоментовскіе. Но имъ не пришлось долго пользоваться богатымъ наслѣдствомъ послѣ брацлавскаго земскаго судьи. Вскорѣ пронеслась надъ Коханградомъ страшная буря хмельниччины, не оставившая здѣсь камня на камнѣ. Коханградъ стоялъ на одной изъ важныхъ стратегическихъ дорогъ и однимъ изъ первыхъ въ винницкомъ повѣтѣ былъ разрушенъ окончательно. Подробностей катастрофы, поскольку она касается поселеній на рѣчкѣ Кобыльной, не знаемъ. Мы знаемъ только, что винницко-липовецкій трактъ, пролегавшій на Коханградъ, служилъ много разъ военной дорогой для походовъ козацкаго и польскаго войска. Сюда проходилъ Глухъ на выручку осажденному въ Винницѣ Богуну; сюда шла часть полковъ Хмельницкаго подъ Пилявцы; той же дорогой два раза пронеслись страшныя хоругви Чарнецкаго.

Только въ послѣдніе годы XVII ст. явились сюда владѣльцы и, какъ видно изъ инвентарей начала XVIII вѣка, застали здѣсь только пепелища, пустыри и совершенное безлюдье, въ полномъ смыслѣ этого слова. Большой коханградскій замокъ, созданный единственно въ интересахъ войны съ сосѣдними землевладѣльцами, потребовавшій на постройку и вооруженіе массу труда и средствъ, просуществовалъ совершенно безплодно всего двадцать два года. Затѣмъ никто и не думалъ о его возобновленіи. На мѣстѣ прежняго Коханграда нынѣ скромное село Кохановка, да на берегу пруда возвышаются внушительныхъ размѣровъ валы, свидѣтельствуя—не знаю—о барской ли прихоти, или же о разнузданности.

Такъ не плодотворно погибло все, что было создано энергіей и трудолюбіемъ Ольбрыхта Кохановскаго. Личность эта, несомнѣнно, выдѣляется изъ своей среды. Дѣятельность его въ винницкомъ повѣтѣ, главнымъ образомъ, посвящена была хозяйственнымъ и мѣстнымъ землянскимъ интересамъ и рѣдко выходила за предѣлы око-

лотеа. Потому его нельзя мѣрять мѣркой польскихъ магнатовъ и сановниковъ, ворочавшихъ судьбами польско-русскихъ провинцій. Онъ принадлежалъ къ многочисленной сѣрой польской массѣ, наводнившей русскія окраины по преимуществу послѣ уніи. Въ этой средѣ онъ выдѣлялся умомъ, трудолюбіемъ, заботливостію и весьма рѣдкой въ то время чертой—кое какимъ уваженіемъ къ законности. Къ сожалѣнію, въ первой половинѣ XVII ст. такіе люди были здѣсь рѣдкимъ явленіемъ.

Ц. Нейманъ.

